Алексей А. ПЕТРУХИН
Владимир ШЕМЕНЕВ

ПРЕТЕНДЕНТ НА БУКЕРОВСКУЮ ПРЕМИЮ

Алексей А. ПЕТРУХИН
Владимир ШЕМЕНЕВ

«ВАРЯГ» НЕ СДАЕТСЯ

ЭКСМО

МОСКВА 2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П31

Оформление *Д. Сазонова*

Петрухин, Алексей.
П31 «Варяг» не сдается / Алексей А. Петрухин, Владимир Шеменев. — Москва : Эксмо, 2015. — 384 с. — (Претендент на Букеровскую премию).

ISBN 978-5-699-79990-9

Начало XX века. Лейтенант российского флота Алексей Муромцев вступился за честь своей подруги Кати, ударив негодяя Слизнева, который, к несчастью, оказался статским советником. За дерзкий поступок лейтенант был разжалован в матросы и сослан на Дальний Восток, на бронепалубный крейсер «Варяг». Вскоре выяснилось, что Слизнев – шпион, продающий военные секреты японцам. Алексей Муромцев и его друг, военный контрразведчик Истомин, уже готовы были разоблачить предателя, как Слизнев устроил диверсию и сбежал на японский броненосец, захватив в качестве заложницы Катю. Алексей делает все возможное и невозможное, чтобы спасти ее, но даже не догадывается, что девушке удалось сбежать с броненосца, прыгнув в ледяное море... До войны с Японией и трагического боя у Чемульпо оставались считаные недели. Жестокие битвы, доблесть русских моряков, безграничная и жертвенная любовь, ненависть и предательство сплелись в единый стальной клубок...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-79990-9

© Петрухин А., 2015
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

От автора

Можно ли было представить, что сценарий фильма о героическом крейсере «Варяг» когда-то станет полноценным романом? Конечно, подобные литературные трансформации не раз опробованы самыми разными писателями, но в начале нашей работы целью был исключительно киносценарий.

Казалось бы, история крейсера «Варяг» известна благодаря соответствующей песне даже детям, но так ли она проста? Я был уверен, что судьба героев того сражения достойна самого пристального внимания, не говоря уже об исторических предпосылках и политико-экономической основе произошедших событий. Работа над сценарием заставила изучить огромное количество архивных документов, благодаря которым стало понятно, что историческое сражение при Чемульпо далеко не так однозначно, как мы привыкли думать. Несколько лет мой соавтор, Владимир Шеменев, отдал изучению архивов и деталей этого исторического сражения, за что ему огромное спасибо, и в большей степени благодаря ему этот роман состоялся!

Завершенный сценарий так никогда и не стал бы книгой, если бы не мое настойчивое желание донести эту историю до читателя-зрителя раньше экранизации. Мой соавтор был категорически против, но в итоге решили —

роману быть! Владимир, спасибо тебе много раз за доверие, терпение, колоссальный труд и полное сотрудничество, это твой вклад в нашу историю, историю России, и никак не меньше!

Все образы, персонажи, события сохранены в кинематографических, если так можно выразиться, рамках. Поэтому вы, уважаемый зритель, а вернее — читатель, будете следить за историей легендарного крейсера не со страниц книги, а по кадрам кинопленки. Надеюсь, нам удалось с кинематографической точностью передать настроение героев романа. Поверьте, это было намного сложнее, чем при работе над оригинальным сценарием картины.

Мы с Владимиром Шеменевым хотели рассказать всем свою историю крейсера, поэтому любые совпадения с реальными персонажами можно считать случайными. Или не случайными. Но об этом вы сможете узнать только после просмотра, точнее, прочтения картины-романа «Варяг». В добрый путь!

С любовью и уважением,

Алексей Петрухин

Предисловие

Май 1918 г.

Ночью я не спал. Стоял у распахнутого окна, прислушиваясь к стуку ставней на ветру и гулу дождя. Стоял и ждал. Ждал конца света, положив руку на цевье английского двадцатизарядного винчестера. Рядом со мной на подоконнике лежали две гранаты и поблескивающий вороненой сталью «наган». Достал из кармана часы и нажал кнопку: стрелки показывали без четверти пять. Щелкнул серебряной крышкой и чуть задержал взгляд на гравировке: «Лейтенанту Алексею Муромцеву, честно выполнившему свой долг».

От окна я отошел всего два раза: сходил за чайником и принес резное кресло. Сказывалось старое ранение — в июне девятьсот пятнадцатого секанул меня немецкий пулеметчик с «Любека», да так, что только чудом не перерезал пополам. Вот и ноет с тех пор поясница, особенно в дрянную погоду, а погодка сегодня выдалась на славу...

Гроза ревела так, что прыгали листы железа на старой обветшавшей крыше усадебного дома, издавая протяжное заунывное пение.

Налил кипятка в кружку и кинул туда несколько листьев вишни и мяты. Чая в доме не было с лета семнадцатого года, кофе пропал еще в шестнадцатом. Вместо мыла — сода, вместо сигарет — махорка. Ржаные сухари и мамалыга. Картошка на вес золота, молоко вообще не продавали:

не потому, что не хотели — его просто не было. Скотину реквизировали на нужды Красной Армии, а что не забрали — порезали дезертиры, наводнившие приокские леса.

Усевшись поудобней в кресло, я положил винчестер на колени и, скрутив самокрутку, вдохнул в легкие ударную горючую смесь из махры и сушеной коры дуба. В деревне что-то горело, и сполохи зарева, перемежевываясь со вспышками молний, создавали картину вселенского Апокалипсиса.

* * *

Утро выдалось туманное: парило от болот за Окой, от реки и с лугов. Усадьба словно утонула в густой пелене. Молочно-серая дымка затянула всю пойму, оставив на обозрение только верхушки деревьев и купол церкви с колокольней, торчавшей словно кол посреди соломенных крыш. Деревня, просевшая в низине, имела такое же название, как и наше имение, — Муромское.

Я смотрел на потемневший после дождя парк, на укутанные полупрозрачной пеленой амбары, на пустую конюшню с распахнутыми настежь воротами, сгоревшую в прошлом году баню и обвалившийся в конце гумна стог сена. Смотрел и ждал...

Ждал я делегацию из деревни, которая должна была порезать меня на ремни, как выразился председатель местного совета Митя Гладков, а по дворовому Митяй. Бывший до революции пастухом, а ныне уважаемый представитель новой большевистской власти.

— Сорок восемь часов — вот мой вердикт, — выдал он накануне фразу, и я не сразу понял, что он имел в виду...

А имел он в виду то, что я должен был бросить дом и бежать сломя голову куда глаза глядят.

— В противном случае, — помявшись, добавил председатель ревкома, — я сделаю тебе дырку в башке, а имение

в любом случае станет достоянием республики. Дом и все прилегающие постройки переходят к сельсовету, где с разрешения товарищей из уездного исполкома решено устроить кооперацию.

Вот так...

Мой прадед построил этот дом, а Митяй решил, что будет с усадьбой...

— Да пошел ты, — явной радости по ходу его пламенной революционной речи я не выразил, отчего обстановка накалилась до предела.

Митяй обвел взглядом свое разношерстное окружение и, получив молчаливое согласие на эксцесс, потянулся к кобуре.

Пришлось вынести из кабинета отца морскую мину и молоток. Это был муляж мины, но они об этом не знали.

Я занес молоток.

— Попрошу покинуть мой дом, — и стал считать. — Раз, два, три, — на счет «три» я со всей дури жахнул по железяке, заполнив комнату протяжным гулом.

Через секунду дом был пуст. Только из парка продолжала доноситься отборная брань и обещание открыть кингстоны и отправить меня на дно Оки.

Знали твари, что я морской офицер, и терминов нахватались специально по этому случаю. Благо было где. В десяти верстах от Муромского проходила железная дорога, по которой всю осень шли эшелоны с солдатами и матросами, возвращавшимися домой с развалившегося фронта и исчезнувших, словно по волшебству, флотов. Вот и ходил туда Митяй ума набираться. И набрался...

По этой же железке приехал и я в начале марта, чудом выскочив из бушующего революционными страстями Петрограда. Курок был уже спущен, и по земле потекли реки крови, затягивая Россию в пенистый водоворот красного террора.

Спросите, зачем приехал? Отвечу. Тянуло. Надо было попрощаться с могилами родителей, походить напоследок по дому и, если получится, продать усадьбу: хоть за полцены, хоть за треть. Хотя сама идея с продажей была заведомо тупиковой. Кому они сейчас нужны, эти дворянские гнезда? Продавать надо было до войны, а сейчас их сотни, брошенных по всей России. Стоят, словно призраки, в окружении заросших садов, взирая на мир пустыми глазницами выбитых окон и дверей.

Ладони вспотели, и я провел рукой по мокрому отливу, собирая остатки влаги. Протер лицо и выглянул в окно.

Гроза ушла на восток, очищая небо. Ветер и ливень сбили весь цвет с акаций, росших возле самого окна, засыпав дорожки скомканными грязно-сиреневыми лепестками. Они плавали в лужах, источая дурманящий аромат, перемешанный с озоном и свежескошенной травой. С листвы еще капало, но это уже больше походило на слезы — слезы прощания с отчим домом.

День, два — сколько я здесь протяну, среди вражды и непонимания? Я чужой! Чужой в своем доме, на своей Родине.

Родина! Где ты?

Если смотреть из окна — там ее уже нет... Там только Митя Мудило и его комсостав. Но стоит обернуться, заглянуть в полутемные комнаты, пройтись по залам, разглядывая портреты и фотографии, тронуть клавесин, постучать по щитам и саблям, которыми увешаны стены, сдернуть плед и, закутавшись в него, завалиться на старый скрипучий диван — и Родина окутает тебя, принося из глубин памяти воспоминания о детстве.

Она подойдет к тебе и спросит: «Эй, Алеха, а помнишь мальчишку в бескозырке, который катал на лодке смешливую соседскую девчонку? Она потом станет твоей женой».

— Помню, — скажешь ты и улыбнешься.

— А теплые материнские руки, гладящие твои волосы, когда ты болел ангиной, и нежный, всегда любящий тебя взгляд?

— Помню!

— Помнишь попыхивающего трубкой отца, сидящего в плетеном кресле и читающего свою любимую «Ниву»?

— Помню! Я все помню. Все до мелочей...

— Закрой глаза и не открывай, в противном случае ты вернешься в мир, в котором нет места сентиментальности. И вместо лиц любимых тебе людей ты увидишь прислоненный к стене винчестер системы «Смит и Вессон», две гранаты и «наган» на подоконнике.

Я помотал головой, отгоняя навалившуюся дремоту, но глаза не открыл.

Долой грезы и наваждения. Я живу — и это хорошо. Катя и Димка уже в Хельсинки. Там тоже бардак, но не такой, как здесь. Последнее письмо от жены я получил в конце апреля. Она писала, что в Выборге прошла волна расстрелов, но после подавления путча красных все затихло, и жизнь вроде стабилизировалась... Спасибо Маннергейму. Он, конечно, сука приличная — генерал царской армии, предавший Россию, которой присягал... Но, с другой стороны, его можно понять: национализм — он как проказа: с одной стороны, греет душу, а с другой — разрушает.

Катя и Димка, милые мои. Увидимся ли когда-нибудь? Боже, как же я по вас скучаю!

* * *

К жестокой реальности меня вернул скрип калитки, ведущей в парк. Я передернул затвор и только после этого открыл глаза. Сработала привычка, выработанная годами: заснуть и проснуться по первому подозрительному шороху или звуку. Дурная привычка, — «не спать, когда спишь»: скрипнул такелаж, громыхнул где-то клюз-сак, вытрави-

ли лаг или звякнула рында — а ты уже на ногах и хочешь знать, что происходит на твоем корабле.

Через парк шла Дарья, шлепая по мокрой листве обрезанными по щиколотку кирзовыми сапогами. Дарья когда-то служила у родителей в горничных: женщина добрая и честная, но чересчур уж разговорчивая.

Она-то и принесла известие, что в деревне сгорел дом Кабана, а его самого шлепнул Митяй за то, что тот зерно на продразверстку не хотел отдавать. А сын Кабана — Антоха Кабан — стеганул из дробовика по Митьке да промахнулся, только руку покалечил.

— Ну и Антоху застрелили, а дом подпалили. Вот такие-то дела, — вздохнула Дарья и, прихватив пустой чайник, пошла в кухню, причитая на ходу: — Что творится, что творится, совсем стыд потеряли.

Но я не слышал ее. Хотелось пойти в деревню и поклониться Кабану. Я даже не знал его фамилии и как зовут. Кабан да Кабан, по-уличному. Помню, отец всегда хвалил его, когда мы мимо их дома проезжали.

— Работящий мужик, — говорил он, показывая кнутовищем в сторону его колосящихся наделов, — такие не только наш уезд, всю Русь прокормят.

Дарья принесла соломы и щепок, скомкала кусок «Уездных ведомостей» и запихала все это в печурку. Лязгнула задвижкой и присела у печи, подтыкая горящую спичку под промасленную бумагу.

— Я вам там наливочки принесла, Алексей Константинович, — крикнула она. — День рождения все-таки.

— Спасибо!

О, бог ты мой! Я совсем забыл. У меня же сегодня день рождения. Дата не круглая, но серьезная, особенно на фоне грядущих потрясений.

Потянуло дымком — и дом словно ожил. Дарья забегала, засуетилась, громыхая кастрюлями и чугунками.

Через час пришел Кузьмич, бывший отцов кучер. Выложил на стол кусок сала и две головки лука. Долго извинялся, что явился с пустыми руками, и угомонился только после того, как Дарья выставила на стол наливку. Улыбнулся и, выдернув затычку, разлил красноватую жидкость, пахнущую плохим спиртом, по стопкам.

— Ну, Алеха, за тебя! — буркнул дед и лихо опрокинул содержимое в рот. Крякнул и потянулся за бутылкой, чтобы налить по второй.

Так и встретили мое сорокавосьмилетие. Бутылка наливки, пяток картошек, лук и шматок сала. Хлеба не было. Посидели, вспоминая прошлые годы, повздыхали и запели. Запели, точнее, Дарья с Кузьмичом, а я ушел в кабинет.

Пора было принять решение: что делать дальше? И я принял.

Гранаты и «наган» отнес в кабинет и положил на стол. Скользнул взглядом по стенам — и замер... На меня смотрели три счастливых лица: мое собственное, Катино и Димкино. Это мы в Ялте в девятьсот десятом. Димке только что исполнилось пять лет, и мы повезли его на море.

Сняв фотографию со стены и аккуратно выставив стекло, я вынул ее из рамки. Нечего ей тут висеть, все равно сожгут или выбросят. И пошел вдоль стен, снимая фотографии родителей и друзей. Солидный контр-адмирал в черной шинели и фуражке на фоне Адмиралтейства — это мой отец, Муромцев Константин Петрович. Мама с Димкой на руках, ему тут годика полтора. А это мичман Берг. А здесь мы с Истоминым во Владике. Только что прибыли из Сеула — и сразу в фотоателье: запечатлеть новые Георгиевские кресты за операцию по подрыву «Варяга». Было и такое...

Где они сейчас, мои друзья? Последний раз с Истоминым мы виделись в начале войны в Севастополе. А Берга я встретил в Петрограде прошлой осенью с разбитым в кровь лицом. Вступился он за гимназистку и получил прикладом

по морде, еле ноги унес. Общались мы с ним минут десять, покурили и разошлись дворами, прячась в тени домов и украдкой обходя матерящиеся патрули.

* * *

Собрал все самое дорогое для меня, сложил в стопку и перевязал веревкой. На диване уже стоял вещмешок, куда я и сунул фотографии, гранаты и «наган».

Порылся в ящиках, разыскивая дневники отца. Дневников я не нашел, зато мне попался конверт, в котором лежали сложенные пополам листы, исписанные мелким почерком, — копия докладной записки на имя морского министра о недоделках крейсера «Варяг». Отец был членом комиссии и отказался ставить свою подпись под протоколом испытаний. Крейсер все же приняли, а отца турнули с флота. Силы были явно не равны: купленная верхушка министерства во главе с дядей императора против горстки адмиралов, готовых умереть за флот и Россию. Умереть им не дали, а банально отправили в отставку, одним росчерком пера закрыв тему разногласий по поводу качества нашего флота.

Перебирая ссохшиеся от времени листы, я думал о превратностях судьбы: отец принимал крейсер, а я пустил его на дно. C'est la vie. «Варяг» для меня был больше чем крейсер. Для меня это была конечная точка, поставившая жирный крест на замашках карьериста и закоренелого холостяка, так называемая точка невозврата, после которой Петербург с его блеском и напыщенностью ушел на задний план, уступив место провинциальному Порт-Артуру. В сентябре девятьсот третьего с императорской яхты «Штандарт», причалившей возле баков Петропавловской крепости, на берег сошел капитан второго ранга Алексей Константинович Муромцев. А ровно через три месяца на «Варяг» поднялся матрос второй статьи Алексей Муром-

цев, разжалованный за драку и поведение, позорящее честь и достоинство офицера. С другой стороны, «Варяг» подарил мне Катю и стал моим крестным отцом, перемолов амбиции и снобизм и навсегда изменив мое отношение к жизни.

Я не знал, что делать с отцовскими бумагами, и сунул их в вещмешок — так, на всякий случай. Вынул из книжного шкафа Атлас Российской империи и вырвал из него карту Области войска Донского. Где-то на Дону Алексеев собирал добровольцев. Туда и лежал мой путь. Я аккуратно сложил листы и сунул их в нагрудный карман.

Постоял, осматриваясь и раздумывая, что бы еще забрать на память о доме, который я никогда уже не увижу. Забрать хотелось все. Все было дорого и мило: от кованых бронзовых подсвечников, стоящих на столе, до тяжелых напольных часов голландской фирмы «Томсон и сыновья». Все не унести. Не тот случай. Вздохнул, перекрестился и, прихватив вещмешок, вышел из кабинета.

* * *

Винчестер я подарил Кузьмичу, чем вызвал у старика несказанную радость. Фарфоровый сервиз, выпущенный к годовщине битвы «Варяга» и «Корейца», отдал Дарье. Это была даже не память, это была целая жизнь, прожитая за один день. Жалко его было оставлять, но тащить с собой полсотни тарелок и чашек было просто бессмысленно.

Прощались недолго. Без слез, с одними только вздохами.

— Катюше и Димке привет от нас передай, — шептала Дарья, увязывая узелок с остатками праздничного обеда. — Ох, Господи, да что же это за жизнь такая наступила...

— Не скули, — хлюпал Кузьмич носом. — Прорвемся. — Он потоптался, почесывая затылок, и шагнул ко мне. — Снимай!

— Что? — не понял я.